Интервью

Георгий Дерлугьян

Исламизм и новый распад империй

Georgi Derluguian

Islamism and the New Disintegration of Empires

Georgi Derluguian — Moscow School of Social and Economic Sciences (MSSES) (Russia); New York University Abu Dhabi (United Arab Emirates). derluguian@gmail.com

In this interview, Georgi Derluguian discusses the reasons of Islamism's popularity in the context of collapse of two great projects of the West — liberalism and communism. He pays special attention to organizational peculiarity of Islam, which allows this religion to lead successful wars against powerful empires. People who find this ideology attractive are not "new barbarians"; on the contrary, we are dealing with modern socially active people, whose access to social lifts has been blocked. Islamism allows both men and women to realize strategies, which give them a chance to succeed in situation when role models of their parents stopped functioning. In the end of the interview, one finds analysis of the perspectives of the so called Islamic State, forbidden in Russia and elsewhere: the sociologist shows how it will inevitably be involved in the dynamics of contemporary world-system.

Keywords: ISIS, Islamism, Wahhabism, Islam, World-Systems Analysis, Dmitry Furman, North Caucasus.

Новый распад империй

С чем, на ваш взгляд, связан подъем исламизма? Неужели с какими-то его уникальными особенностями?

Георгий Дерлугьян. Исламизм существовал уже лет двести. Люди, которые говорили, что надо возвращаться к фундаментальному исламу, существовали давно — Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб заложил основания ваххабизма еще в XVIII веке. А до него уже были Ахмад ибн Ханбаль и Ибн Таймия. Просто, сколько у этих мыслителей было читателей в свое время? Сегодня они стали востребованными. Они были маргиналами тогда, они стали востребованными сегодня.

С чем связана эта новая востребованность?

С распадом империй. Причем это уже один раз было. После своего становления в XVIII веке ваххабиты были быстро подавлены Османской империей. Турки расстреляли ваххабитов как сектантов, потому что у турок было огнестрельное оружие, а у ваххабитов не было. Но когда Османская империя становится «больным человеком Европы», когда Персидская империя разваливается, когда Великие Моголы попадают под власть англичан, когда не остается великих исламских империй, то кто перехватывает у них инициативу? В XIX веке по периметру исламского мира вспыхивают джихады, направленные и против местных «феодальных» правителей, и против европейского колониализма. Это восстание Усмана дан Фодио в северной Нигерии, Самори Туре в Гвинее и Сенегале, Абд аль-Кадира в Алжире; это суфийские движения в Афганистане, сануситы в Ливии, махдисты в Судане и, конечно, ваххабиты в Аравии. В этом контексте становится понятнее значимость эпопеи имама Шамиля на Северном Кавказе.

А если провести параллель с тем, что происходит сегодня?

Новый развал империй. К середине 90-х XX век оказался действительно исчерпан. То, что мы сейчас наблюдаем на Ближнем Востоке, есть исчерпание гегемонии не одного, а двух великих

проектов Запада: коммунизма, который, безусловно, был западным проектом, и либерализма, который также западный проект. Каждый из этих проектов давал ответ на вопрос о том, как создать сильное государство, способное противостоять кому угодно в мире. Ведь что такое модернизация? Стивен Коткин в своей фундаментальной биографии Сталина[1] говорит без обиняков: модернизация — это геополитический императив. Это не общие гуманистические нормы и принципы некоего сообщества модерна. Модернизация в эпоху Великой дивергенции между Западом и Востоком означала нечто жестоко конкретное: либо у вас будет сталелитейная промышленность и инженеры, способные ею управлять, либо к вам придут те, у кого эта промышленность есть, и они не будут спрашивать разрешения войти. Потому что без современной военной промышленности и инженерных школ вы — варвары, отсталая страна. Прогресс и право за теми, у кого есть пулеметы, телеграф, паровозы. Марксизм в большевистской, ленинской интерпретации дал убедительный ответ на вопрос о создании сильного государства, почему он и стал столь популярен в XX веке. Ленинизм давал Китаю возможность модернизироваться, сохранив свою китайскую национальную гордость, обещал ту же возможность Индии, Вьетнаму, Кубе, Йемену и Эфиопии.

То есть в XX веке была достигнута очередная ясность: вы с коммунистами или вы с капиталистами? В ситуации этой ясности с фундаменталистами вопроса даже не возникало. Пересмотрите советские комедии про Кавказ 1970–1980-х гг.: «Кавказская пленница», «Ожерелье для моей любимой» — про Дагестан, когда вопросы религии даже не стояли, они решены давно. Есть какие-то пережитки прошлого, которые уже стали комичны («Будем судить его по закону гор!»). Примерно то же происходило и на Ближнем Востоке, где исламисты в течение XX века выглядели политическими маргиналами на фоне кемалистов, насеристов, баасистов и прочих «прогрессивных полковников», перенимавших и насаждавших успешные западные модели. Но баасисты, насеристы, популисты, социалисты — все и всяческие модернизаторы Востока — к концу XX века потерпели политическое, моральное поражение и экономически обанкротились. Равно как и сам СССР.

И тут возник естественный вопрос: как быть? Что осталось? Осталось то, что было. Как мудро заметил антрополог Сергей

1. См. Kotkin, Stephen (2014) *Stalin: Volume I: Paradoxes of Power, 1878–1928*. Penguin Books.

Александрович Арутюнов: «Когда в доме погасло электричество, остается пойти в подвал и достать масляную лампу деда».

Но это не просто провал двух модернизационных проектов, это еще и повсеместное разрушение тех государств, которые в ходе этой модернизации возникли… На наших глазах исчезают Ирак, Сирия, Ливия — и такое ощущение, что это только начало.

Да, отчасти это общемировая тенденция дискредитации и разрушения современного бюрократического государства. Никто никогда особенно не любил бюрократию — но как без нее? Последствия «освобождения» от диктатур догоняющего развития получаются довольно страшные. Империализм в XIX веке везде старался создать современные государства. Современные государства подразумевали, что там была полиция, там были миссионерские школы и больницы. Это все рушится. Империалистами были созданы в современных границах Сирия, Ирак, Ливан, Иордания — ведь это же все плоды франко-британского передела Ближнего Востока по итогам Первой мировой войны.

В некотором смысле сегодня те же империалисты все и разрушили…

Империалисты оказались не в состоянии поддерживать эти государства. Слишком дорого, потому что у стремительно растущего населения колоний появились слишком современные притязания на гражданские права, современные профессии, доходы, на саму политическую идентичность суверенных наций. Парадокс в том, что из бывших колоний пришлось уходить не потому, что там отвергали капитализм и связанные с ним институты модерна, а потому, что «цветные» народы и их лидеры приняли цели модернизации и захотели того же самого: после 1945 года алжирцам, индийцам и сенегальцам надо было либо предоставлять избирательные права, зарплаты и пенсии, как у самих французов и англичан, либо предоставлять Алжиру, Пакистану и Сенегалу суверенную независимость, чтобы все это стало заботой уже «своих» национальных правительств освободившихся стран, а их граждане ездили теперь во Францию и Великобританию на заработки со своими национальными пас-

портами. Деколонизация в целом была успешным маневром, но все-таки очень дорого обошлась Западу и в военном плане (произнесу только одно слово: Вьетнам), и в плане сохранения эффективного контроля над мировой геополитикой (чего стоило в финансовом и дипломатическом плане остановить Саддама Хуссейна, когда ему возмечталось сделаться арабским Бисмарком). Слишком сильные и уверенные в себе государства третьего мира были вызовом Западу, но ведь и слишком слабые, разваливающиеся страны чреваты потоками наркотиков и мигрантов. Трущобы едва ли подлежат капиталистической эксплуатации. Американские неоконсерваторы после 2000 года очень амбициозно пытались преодолеть дилеммы глобального беспорядка, взявшись за переделывание наиболее проблемных, но и наиболее перспективных государств (начиная с того же Ирака, следом за которым шли Иран, Пакистан) под оглушительным «наркозом» военной оккупации. Примером служило то, как когда-то после 1945 года реконструировали Японию, Италию и Германию. Но на сей раз не получилось. Пациент в ходе операции умер.

И тут собственно и возникает исламизм как реакция на эту демодернизациию? Как та «масляная лампа», которую достают из подвала?

Давайте посмотрим, какие еще могут быть у людей реакции в ответ на провал модернизации их стран. Одна реакция может быть: «Ну и черт с ней, с целой страной! У нас самих есть какие-то деньги, на эти деньги мы создадим частные элитные школы, частные больницы, закрытые коттеджные поселки с частной охраной, свои частные бассейны, так как государство не может нам ничего этого обеспечить». Мы создаем свою Рублевку. Мы создаем на «Рублевке» коммунизм только для состоятельных. Мы видим этот тренд к самоизоляции элит не только в России, но и во многих, вернее, в подавляющем большинстве стран мира. Второй вариант реакции на провал надежд на рост своей страны россиянам сегодня знаком: «Пора валить, здесь все разваливается. Хотя бы детям дать образование в нормальной стране, уехать куда-нибудь в Швецию». Но первые два варианта далеко не для всех. Остальным остается третий вариант: «Западное не для нас, оно (как всегда говорится в таких случаях) бездухов-

но, мы создадим, вернем из небытия свое». Вот они и пытаются создать это свое, что-то более духовное, в основном из того, что есть под рукой.

Ислам и матрица партизанского лагеря

Пока речь идет о сугубо структурных моментах — был модернизационный проект, он рухнул; пришлось браться за то, что долгие годы пылилось где-то в подвале. Есть ли какая-то специфика собственно у ислама? Или все было бы точно так же, даже если бы это был не ислам, а какая-то иная религия — например, какое-то местное язычество?

Дедовская лампа может быть любого устройства — это зависит от предков, — только бы она работала. В то же время каждая из мировых религий имеет свою уникальную историю и строение, хотя в наши дни, увы, это мало кто изучает систематически. Проблема с исламоведением, как и с религиоведением как таковым — я позволю себе критику — в том, что это все еще продолжение богословия. Ученые люди изучают священные тексты: раньше их изучали как священные, а теперь — как традиционные. Основное усилие, престиж знатока и, наверное, профессиональное самоудовлетворение связаны именно с виртуозным толкованием текста и текстологической эрудицией. Куда меньше усилий уходит на понимание организационных основ этих текстов. Почему эти тексты стали священными? Они стали священными, потому что достаточное количество людей признало их священными. Здесь огромную роль играют работы Дмитрия Ефимовича Фурмана — советско-русского исследователя, памятного в постсоветской интеллектуальной среде в основном серьезной публицистикой времен перестройки. Но сейчас на английский переводят, наконец, два томика фурмановских статей: по религиоведению и по политическим трансформациям бывших советских стран. Помог с публикацией известный британский историк Перри Андерсон, владеющий среди многих прочих языков и русским, который последовательно прочел все работы Фурмана и был потрясен открытием исследователя такого масштаба. Летом 2015 года *London Review of Books* опубликовал две

обширные статьи Перри Андерсона с обзором основных идей Д.Е. Фурмана. При жизни мы в шутку, бывало, называли Фурмана нашим Вебером, а оказалось, что он и в самом деле в одном ряду с классиком.

Дело в том, что после Макса Вебера заниматься сравнительным анализом религий на Западе стало как-то неловко и опасно для репутации — тебя немедленно обвинят либо в пристрастности, либо в неполиткорректности, либо в недостаточной научности, а ныне, в эпоху постмодернистских опасений, скорее в «тотализирующей метанарративности». Людей, которые занимаются сравнительным религиоведением, то есть систематически сравнивают ислам с буддизмом, христианство с исламом, очень мало. Нам повезло именно в силу нашей относительной отсталости, что у нас был Дмитрий Фурман, который не был скован условностями, давлением профессиональной среды и рейтинга публикаций, который, наконец, вовремя не прочел самого Макса Вебера и потому сам до всего доходил — и дошел. Дмитрий Ефимович просто был советским внутренним гением. Как Бахтин в более раннем поколении.

Что для нашего разговора наиболее интересно у Дмитрия Фурмана?

Фурман настаивал, что любая религия, когда она возникает, неминуемо решает конкретные организационные проблемы. Скажем, у христианства специфическая и центральная для этой религии организационная проблема заключалась в том, что основоположник этой религии не оставил никаких священных текстов. Иисус Христос ничего не написал и не оставил в прямой записи, в отличие от Будды и Мухаммеда. О нем есть только рассказы и пересказы предполагаемых очевидцев, но сам Иисус был абсолютно не пишущим человеком, возможно, неграмотным. Встает огромная проблема: как кодифицировать наследие этого человека? И когда оно, наконец, кодифицировано (в основном уже в Средние века), вскоре встает проблема окостенения и протестного эмоционального подрыва этой высокоцерковной кодификации; вот откуда у нас возникает протестантизм. Императив декодификации: но ведь изначальное христианство не было таким! Первая фундаменталистская реакция — это, конечно, протестанты.

А в чем организационная специфика ислама? Какие организационные проблемы он решает?

В исламе четко проявляется матрица партизанского лагеря. Это религия великого воинского похода. Молитва, причем коллективная, пять раз в день — это способствует поддержанию дисциплины в лагере, от побудки до отбоя. Запрет на употребление вина. Перед молитвой нельзя пить, а поскольку молитва пять раз в день, то получается, что никакого алкоголя. Запрет на насилие и грабеж внутри лагеря. Кстати, отсюда, вероятно, и требование скромности, хиджаб для женщин. Женщины внутри воинского лагеря не должны носить броское, они не должны вызывать ревности и соперничества среди воинов. А за пределами лагеря совсем другая ситуация — есть *дар аль-ислам* (территория ислама), а есть *дар аль-харб* (территория войны). Зона войны — там другие законы совершенно, там можно захватывать рабов, захватывать наложниц, грабить три дня, а вот внутри — все, извини, заплати налоги, жертвуй бедным и быстро цивилизуйся, умерь свою воинственность. Это ведь тоже гениальная адаптация. Как направить энергию агрессии воинов-бездомовников, как их называли в XIX веке, вовне и запретить ее внутри?

И это очень здорово сработало. Ислам, заметим, единственная из мировых религий, которая сформировалась за пределами древних империй. Буддизм, христианство, иудаизм формировались внутри империй, так что Богу — Богово, а кесарю — кесарево. В исламе этого разделения нет, так как он формируется в ситуации, когда древние государства Аравии развалились — примерно в VII в. н.э. То ли климатическая катастрофа произошла, то ли это часть общего распада Римской империи, но происходит распад регулирующих нормативных организаций. В результате религия, которая возникает как религия племенного сообщества, сохраняется. Более того, она захватывает империи. Империи не смогли ее победить — это она победила империи. Византия и государство Сасанидов истощили друг друга в более чем столетних войнах. И как только исламское воинство по ним ударило, сначала Сасаниды начали сыпаться, а потом и Византия. Тут есть определенный эпизод чуда, которое технологические детерминисты не могут объяснить, потому что для них надо, чтобы было какое-то новое оружие. Новая конница на верблюдах все-таки не тянет на новое всепобеждающее оружие. Поэтому тут срабатывает не новое оружие, а скорее старые проблемы, о которых писал еще Перри Андерсон, объясняя падение Римской им-

перии[2]. Почему империя успешна? Она всех своих подданных вовлекает в империю — военной силой, торговыми преимуществами, участием в гораздо бóльшем мире, в его космополитической культуре. Империя «цивилизует» элиты периферии на свой манер и делает их имперскими. И вот тут, именно из успеха, со временем начинаются большие проблемы — ведь у успешных элит больше детей. Начинает работать демография. Что будет всего через три поколения, когда у детей детей родятся дети и все эти дети будут претендовать на дедушкин статус и доходы как на с детства усвоенное? Дети детей будут заниматься тем, чем занимался их дедушка. Они будут элитой, они не будут работать, они будут собирать налоги. Но вот такого количества генералов мужик уже прокормить не мог. Перри Андерсон называет это «элитной перенагрузкой» позднего Рима. Видимо, демографическое переполнение элит объясняет и то, почему так быстро рушилось государство Сасанидов и почему так быстро рушились Византийские провинции под натиском мусульман.

Со временем и у мусульман возникла та же самая проблема. Через триста-четыреста лет оказалось слишком много потомков первоначального воинства. Сколько могли прокормить крестьяне, учитывая экологические ограничители плодородия? И Исламский халифат рухнул под натиском тюрок и монголов. Приходили все новые волны суровых и неизбалованных степняков и захватывали центры имперской цивилизации.

Поиск новых ролевых моделей

До этого мы говорили в основном о глобальных сдвигах и организационных формах, но ведь в конечном счете речь идет о конкретных людях, делающих выбор в пользу идеологии, которая со стороны не выглядит особо привлекательно. Что молодые люди находят для себя в исламизме?

Очень просто. Советский Союз давал убедительный ответ на то, как мужчине быть мужчиной, а женщине — женщиной. Воспроизведение традиционных ролей на новом и престижном витке современности: мужчины, даже если они не начальники, все равно

2. *Андерсон П.* Переход от античности к феодализму. М.: Территория будущего, 2007.

будут заниматься преимущественно какими-то железками, будут шоферами, современными военными, будут частью современной Советской армии; а женщины будут частью современного советского дома, в котором есть кухня, горячая вода, посудомоечная машина. Уйти в город, стать инженером, врачом и вернуться важным начальником в свое село или вообще не вернуться, остаться в городе. Жениться не на местной девушке, а на русской или украинке, которая — издалека. Это очень здорово работало в 1950–1960-е гг., продолжало работать в 1970-е, начало буксовать в 1980-е и рушиться в 1990-е. Что было делать?

В 1994 году, когда восторженно-наивные журналисты писали, что дудаевское движение в Чечне — мусульманское, это вызывало усмешку у людей, которые что-то понимали про Дудаева. Чего стоило его гордое признание тех лет: «Как мусульманин все свои годы на советской военной службе я втайне молился три раза в день». Но к 1995 году в Чечне появляется арабский боевик-интернационалист Хаттаб. И тем не менее, даже еще в 1997 году я помню, как Шамиль Басаев в норковой шапке и белом шарфике говорил, что в мирной жизни собирается стать компьютерным программистом. В 1998 году он от этого уходит: не получилось у нового Шамиля быть компьютерным программистом, не получилось у него быть убедительным государственным министром. Наверное, провалы он переживал как унижение, и что ему еще оставалось?

В глубоком смысле, это настоящая трагедия эпохи. Вот история из тех же 1990-х, когда я одного своего кавказского друга — тогда был развал, денег у людей совсем не было — повел в ресторан и говорю: «Слушай, расскажи, ну как?» — «Да как-как! Сын приходит в этой белой шапочке из школы, с Кораном и говорит: “Буду поститься на уразу”, — матери заявляет. Я его завожу в комнату, говорю: “Слушай, сынок, садись, давай поговорим”». Пятнадцать лет сыну. «“Что это такое? Этого в своей семье ты не мог видеть, это не традиция, ты этого не мог взять от меня, я выпускник Ленинградского университета, ученый. Твой дед был председателем колхоза, он же в тридцатые годы и взорвал мечеть в ауле”. — “Ты понимаешь, папа, дед тогда взорвал мечеть в ауле и стал председателем в колхозе. Ты поехал в Ленинград и вернулся видным ученым. А я закончу школу — и куда поеду, кем стану? Деньги ведь теперь делаются на торговле наркотиками. А если я хочу в жизни чего-то чистого? Что у нас в городе есть? Что остается?”» Кстати, через несколько лет я встретил того же кавказского друга

и спросил, как его сын, и получил заставивший меня задуматься ответ: «Ничего, в порядке, женился, квартира есть, служит следователем по борьбе с терроризмом».

Джихад — это такой социальный лифт?

Не только социальный лифт. Он позволяет почувствовать себя причастным к чему-то, что имеет чрезвычайную важность, почувствовать, что ты что-то означаешь в этом мире.

А что это вообще за люди? Как бы вы их охарактеризовали?

Исламисты очень хорошо приспособлены к современности. Это, возможно, наиболее современная часть общества — люди, которые были бы активистами в любой среде. Они активисты любого общества. Если бы на Северном Кавказе сохранялось советское общество образца 1930-х гг., они были бы молодыми активистами, и женщины в том числе. Это активисты, которые строят себя против авторитета стариков. Как мне об этом рассказывал один проницательный кабардинский собеседник, противопоставлявший традицию и фундаментализм: «Понимаешь, что такое традиция? Традиция — это когда примерно лет в сорок северокавказский мужчина решал — и это было решение — стать стариком. Он приобретал себе палку, папаху, отпускал бороду, делался несколько согбенным, он начинал ходить в мечеть, пить чай со стариками, играть с ними в нарды, говорить по-стариковски — мужчина становился старейшиной. И вдруг он приходит в мечеть и видит, что там какие-то совсем молодые парни, в 1990-е годы, которые съездили на какие-то курсы и говорят, что вы вообще ничего не знаете про ислам. То есть яйца начинают учить кур, наглецы позволяют себе поправлять стариков!»

Начинается конфликт поколений, и при этом очень сильное притяжение новых харизматических проповедников, которым старики ничего не могут противопоставить, потому что они не проповедуют, они опираются на авторитет стариков, на авторитет религии как части того, что было всегда. Для стариков религия — это просто традиция, это просто способ делать то же, что и раньше.

Получается, что это те, кто не может найти себя в новых реалиях? И кто не готов

по тем или иным причинам идти по пути своих родителей?

Это те, для кого закрыты современные привлекательные роли. Очень часто они и есть центральные люди для своих сообществ. И это страшно. Опрашиваешь, например, в Нальчике, людей, которые с детства знали погибших террористов. И слышишь — причем не в той ситуации, когда люди соврут: «Знаешь, не понимаю, как такое могло случиться, но жалко очень, ведь хороший был парень, бабушке помогал перейти через дорогу, в школе нормально учился, очень учтиво себя вел». Погибшие не были маргиналами или хулиганами.

Приведу другое наблюдение. Я как-то спросил одного ирландского социолога: «Скажи, пожалуйста, из кого состоит Ирландская республиканская армия? Из какого материала слеплены эти люди?». Вроде ирландские террористы совсем другого рода террористы, не исламские. «Ты знаешь, — говорит мне ирландский коллега, — есть характерный типаж республиканского боевика. Это парни, которые в иных условиях стали бы отличными констеблями». Но они не могли стать констеблями, они стали террористами. То есть это парень, который был способен и хотел бы быть опорой порядка в своей округе. Такой вот дядя Степа, который не нашел места в милиции.

То есть это не новые варвары, ненавидящие все современное, как это часто утверждается?

Тут надо избавляться от этих разговоров про варварство. Исламисты с удовольствием пользуются европейскими технологиями. Есть очень известная работа Оливье Руа, который пишет, что, когда во Франции мусульмане открывают какой-нибудь фаст-фуд, они же продают там не фалафель, а тот же самый гамбургер с колой, только халяльные[3]. Они вполне уже западные люди. Таков их способ вхождения в капитализм. Это их способ «приручения» модернизации. Модернизации не на чужих условиях, а на своих.

3. Roy, Olivier (2004) *Globalized Islam: The Search for a New Ummah*. New York: Columbia University Press.

Что исламизм дает мужчинам — более-менее ясно. Но что привлекательного в этих ролевых моделях для женщин? Зачем они сознательно налагают на себя те ограничения, которые вроде бы они должны были бы естественным образом отбросить от себя как можно дальше?

Я думаю, что ислам женщинам дает столько же, сколько и мужчинам, если не больше. Нам трудно найти женщин-исследователей, которые могли бы понять это изнутри, но такие все же есть: например, Ивона Калишевска, польский антрополог, которая провела удивительное включенное исследование в Дагестане и Чечне. Ее польская книга «Матрешка в хиджабе» вышла недавно уже и на английском языке[4]. Что делала Ивона? Она ездила в Дагестан из Польши российским поездом, причем большую часть пути плацкартом. И как-то раз пани Ивона приехала с 10-месячной дочкой. Когда омоновцы остановили ее на блок-посту, они были в явном недоумении: явно не местная блондинка, причем практически свободно говорит по-русски, но не русская (Ивону как-то спросили по поводу ее паспорта: «А Польша это какой регион России?»), вроде бы европейка, но какая-то не западная. И вдруг у нее начинает плакать ребенок, которому пора подгузник поменять и покормить. Тут же срабатывают во взаимоусилении женская солидарность и кавказское гостеприимство, незнакомые дагестанки стыдят полицейских («Ребенку нужно пеленки менять!») и ведут Ивону к себе в дом. Польская антрополог достигла проникновения в среду, которого я, например, как мужчина никогда бы не смог достичь. Ивону как мать ребенка заводят в мусульманский дом с женской стороны, через кухню.

Калишевская остроумно броско озаглавила книжку своих путевых заметок «Матрешка в хиджабе». (Кстати, по ее сценарию был также снят документальный фильм «Силачка», показанный на Каннском кинофестивале[5].) Когда спадает флёр экзотизации, мы видим вполне узнаваемые семейно-гендерные коллизии. Сельские бабы, матрешки — только в хиджабе.

4. См. Kaliszewska, Iwona and Falkowski, Maciej (2016) *Veiled and Unveiled in Chechnya and Daghestan*. London: Hurst.

5. См. фильм *Silaczka* [http://sub.festival-cannes.fr/SfcCatalogue/MovieDetail/895c1b6b-b1cc-4098-bea4-9f7376d205aa, доступ от 01.05.2016].

Традиционное общество везде разное. Арабская система родства предполагает, скажем, что молодой человек женится на дочери своего дяди. Пускай традиционно это мир вооруженных кланов, мир строгих гордых нравов и кровной мести, мир крайне маскулинный. Но арабской девочке не так страшно оказаться замужем в большой бедуинской семье, потому что она уходит в знакомую семью своего родного дяди, то есть с ней не будут обращаться как с рабыней. А русской крестьянке в былые времена предстояло трудное испытание: ее выдавали зачастую в незнакомую семью в другой деревне, где хозяин всего — отец ее мужа, который в том числе становился и ее хозяином. Она потенциально становится прислугой у свекрови, матери своего мужа, и она будет прислугой по крайней мере до тех пор, пока не родит сына. Ее надежда — вырастить этого сына, он женится и невестка станет ее прислугой в следующем поколении. Это, в общем, дедовщина женского рода. У мусульман, заметим, в традиционной арабской семье этого не было.

Теперь представьте себе, что происходит с кавказскими семьями, к примеру — какие сегодня коллизии из-за многоженства, ведь это инновация, едва регулируемая традициями. До недавних пор не было материальной возможности у простого чеченца жениться на четырех женщинах. И вдруг начинают появляться на своих крутых иномарках «новые русские», то есть новые аварцы, новые кабардинцы, которые начинают жениться на нескольких девушках. Как вести себя в такие времена кавказской женщине? В этот момент — ничего странного — многим захочется надеть хиджаб и сказать: «Я себя веду морально, в отличие от тебя». Хиджаб очень часто надо рассматривать как весьма эффективный социальный протест и форму морального давления. Или, например, многодетность — это во многом тоже социальная гендерная стратегия и целых семей, и отдельных женщин. Это стратегии выхода на самый высший социальный уровень, доступный женщине в такого рода обществе. Например, стать матерью шахида, матерью сына, который пожертвовал собой ради общества. Это может быть очень почетно, например, у палестинцев. Требуются систематические социологические и этнологические исследования этих стратегий.

Есть ли у исламизма будущее?

Насколько реалистична та альтернатива, которую предлагают исламисты? Чего нам

ждать — появления нового альтернативного проекта, подобного коммунизму в XX веке?

Это иллюзорная альтернатива, которая сохраняется лишь по той причине, что ей в свое время не дали полностью развернуться. За исключением Исламской республики Иран, которая, парадоксальным образом, вероятно, уже самая секуляризованная страна Востока на сегодняшний день. Там, судя по многим данным, происходит то же самое, что произошло с католицизмом в Испании за десятки лет при диктатуре Франко. В Иране уже тридцать лет Исламская республика, поэтому чем-то Иран начинает напоминать и Советский Союз брежневских времен. Но у многих людей и социальных групп в арабских странах сохраняются иллюзии и надежды на праведное правление, которое вернет и былое процветание, и величие времен багдадского Халифата.

Можно ли наметить некую траекторию избавления от этой иллюзии? В частности, в отношении ИГИЛ...

Мы не романтики, поэтому мы знаем, что будет дальше. Мы знаем, потому что у нас есть опыт коммунистической жизни. Ведь первым транснациональным движением современности был Второй интернационал — мужчины и женщины разных стран, объединенные единой социалистической идеологией. Мы знаем, что если появится антисистемное государство, то появится и свой ЦК с внутренними фракционными противоречиями («местничество», «кумовство» — сколько замечательных словечек было в советском языке для именно такого рода явлений!) и одновременно с нарастающим бюрократизмом (и еще раз вспомним отечественный лексикон: «волокита», «очковтирательство», «цитатничество»). Однако это — в лучшем случае, потому как есть еще и худшие случаи... Как-то забывается сегодня, что Северная Корея, Китай, Албания — это провальные случаи сталинизма, это неудавшийся сталинизм. В Китае, например, уморили голодом 45 миллионов своих крестьян, а промышленность так и не построили. Вот только сейчас они индустриализуются.

Так что лучшее, что исламистам предстоит, — это Советский Союз и своя перестройка на горизонте. В худшем случае, однако, их антисистемные проекты чреваты чем-то вроде Кампучии при Пол Поте. Что реально сделать? Как будет выглядеть неоха-

лифат, если удастся его стабилизировать и отстоять? Даже антисистемному государству придется иметь внешнюю политику, потому что оно не сможет завоевать весь мир, а значит, будет «враждебное окружение». Ему придется создавать свои вооруженные силы, это будут профессиональные вооруженные силы. Сейчас это какие-то партизаны, их не так много, они воюют на тактическом уровне — от силы несколько сотен бойцов-махновцев с пулеметными «тачанками» на базе японских пикапов. Успешны они были против совершенно коррумпированных и деморализованных официальных солдат постоккупационного Ирака. А вот как только придется создавать собственную регулярную армию, встанут все те же проблемы, которые были со всеми армиями. Придется создавать систему налогообложения, вводить воинскую повинность, где-то готовить кадровых офицеров и, как ни крути, придется вести внешнюю политику — потому что без дипломатии придется воевать на всех фронтах.

То есть они на пути от Ленина к Сталину?

Если в ИГИЛ в самом деле присутствует зачаточное государство, то, как бы они ни сопротивлялись, придется все равно действовать по правилам современной мир-системы. Это то, что Валлерстайн давно и совершенно правильно говорил по поводу коммунистических государств[6]. Это то же самое, как рабочие захватывают завод во время забастовки и провозглашают, что здесь больше нет капитализма. Но если завод продолжает работать по рыночным принципам окружающей рыночной среды, то, значит, он вынужден работать за прибыль. Значит, на этом заводе появится своя менеджерская прослойка, которая будет руководить этим заводом согласно внешней рациональности рынка. В какой-то момент — это займет время — менеджерская прослойка сможет сказать всем остальным служащим: «Посмотрим фактам в лицо, социализм у нас не удался, а мы вами правим на самом деле». И приватизируют предприятие. То есть то, что произошло с СССР в 1991 году.

Беседовали Александр Агаджанян и Дмитрий Узланер

6. См.: *Валлерстайн И.* Социальная наука и коммунистическая интерлюдия, или К объяснению истории современности // Полис. 1997. №2; *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. Центр исследований постиндустриального общества. М.: Логос, 2003.